

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

УДК 1(09)

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И.Я. ВАЙНШТЕЙНЕ¹

С.Н. Корсаков

ФГБУН «Институт философии Российской академии наук», г. Москва

Израиль Яковлевич Вайнштейн – один из участников дебординской философской школы диалектического марксизма в СССР. Работал в Институте философии. Доктор философских наук. В 1936 г. был репрессирован и в 1938 г. расстрелян. Впервые публикуются воспоминания вдовы философа Ф.И. Коробовой-Литвин и его сына С.И. Вайнштейна.

Ключевые слова: И.Я. Вайнштейн, история философии, Институт философии, сталинизм.

Философ опасен для всякой власти по определению: он критично мыслит, ставит под вопрос существующее. В истории философии нередки случаи, когда философы гибли за свои убеждения: от Зенона Элейского до Бонхёффера. История философии хранит память о них. Но за исключением массового уничтожения конфуцианцев императором Цинь Шихуаном нет примеров массовых репрессий в отношении философов. К несчастью для России Сталин превзошёл масштабами своих преступлений всех цинь шихуанов мировой истории вместе взятых. Причём наряду с общими у него были и специфические причины ненавидеть философов, а именно философов-марксистов. Во-первых, зависть, вызванная несоразмерными претензиями самому считаться великим философом, четвёртым классиком марксизма. Во-вторых, существовала реальная опасность того, что эти интеллектуалы проанализируют и выявят суть того режима, который создавал Сталин, и сделают вывод, что от идеалов революции 1917 г. ничего не осталось. Под угрозой была легитимность сталинского режима. За её обеспечение многие десятки философов вынуждены были заплатить своими жизнями.

Прежде всего были уничтожены представители советского диалектического марксизма, сторонники А.М. Деборина. Деборинцы погибли практически все. К их числу относится и один из талантливейших учеников А.М. Деборина И.Я. Вайнштейн. Он был старшим научным сотрудником сначала в философской группе секции научной методологии Коммунистической академии (см.: [1]), а затем – в Институте философии (см.: [2]). Мыслитель занимался философскими проблемами политэкономии. В своих трудах И.Я. Вайнштейн критиковал позитивизм (махизм, взгляды А.А. Богданова) и стремился вписать марксизм в тра-

---

¹ При поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00244 «Институт философии РАН в период сталинизма».

дицию немецкой классической философии. Книга Вайнштейна «Гегель, Маркс и Ленин» несколько раз переиздавалась. Академик А.М. Деборин называл Вайнштейна «святым»: тот был равнодушен к материальным интересам и безгранично предан науке (см.: [8]). После выхода его монографии о диалектике как методе он был избран действительным членом Института философии [4, л. 25]. После разгона деборинского состава Института учёный заведовал кафедрой диалектического материализма в МАИ (см.: [7]). В 1935 г. квалификационная комиссия Института философии приняла единогласное решение о присуждении И.Я. Вайнштейну степени доктора философских наук без защиты диссертации. Но когда вопрос решался в аттестационной комиссии Комкадемии, М.Б. Митин сделал всё, чтобы докторская степень Вайнштейну не была присуждена. Характерно многозначительное высказывание Митина: «Формальных причин отказать ему нет, но...» [3, л. 36]. Митин раздал себе и своим приближённым докторские и кандидатские степени и не был заинтересован в том, чтобы остепенять бывших деборинцев. Решение вопроса было приостановлено. В конце концов, в 1936 г. И.Я. Вайнштейн получил кандидатскую степень [6, с. 235].

28 августа 1936 г. И.Я. Вайнштейн был арестован и заключён в Бутырскую тюрьму. В обосновании постановления на арест прямо сказано: «Был связан с контрреволюционной троцкистской группой Стэна, Карева и других». Принадлежность к философской школе стала основанием для ареста. Согласно доносам и отчётам стукачей, Вайнштейн говорил, что по сравнению с политической кампанией, которая «развернулась после опубликования письма тов. Сталина в журнале “Пролетарская революция”, бледнеют ужасы Варфоломеевской ночи». Доносчики сообщали, что Вайнштейн был близко связан с Дебориным, Стэном, Каревым и Лупполом и в этой среде отрицательно высказался о руководстве партии. Он с возмущением говорил об арестах коллег – «истинных большевиков», «жертв нынешнего партийного режима», и утверждал, что «при нынешнем руководстве ВКП(б) научная мысль оскудевает, развитие её тормозят, не дают работать» [9].

При обыске у него на квартире была изъята только что законченная рукопись объёмом около 800 машинописных страниц, которую И.Я. Вайнштейн считал важнейшим трудом своей жизни. Рукопись погибла в результате ареста.

И.Я. Вайнштейна принуждали признать себя виновным в принадлежности к «контрреволюционной троцкистской террористической организации». В очных ставках с теми, чьими показаниями он «изобличался», И.Я. Вайнштейну было отказано. Учёный полностью отрицал предъявленное обвинение на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР. 9 апреля 1937 г. он был приговорён к восьми годам заключения с конфискацией имущества и этапирован в тюрьму г. Мариинска Западно-Сибирского края.

И.Я. Вайнштейну удалось переправить жене несколько писем, где он просил обратиться к Сталину с просьбой о пересмотре его дела. Жена написала письмо Сталину. В конверт она вложила и последнее письмо мужа из заключения. Это была роковая ошибка: разглашение на воле того, что происходит за колючей проволокой Гулага, было по тем временам страшным преступлением, за которым следовала смертная кара. Позже она всю жизнь мучилась сознанием того, что стала невольной виновницей гибели мужа.

Но на трагический исход жизни И.Я. Вайнштейна оказало влияние не только это. В сибирском застенке он не прекратил борьбу, не смирился. Повторное обвинение И.Я. Вайнштейна было основано на доносах охранников и некоторых сокамерников. В них говорилось, что в тюрьме среди заключённых он заявлял о невинности большинства репрессированных, среди которых много рабочих и крестьян – и это в государстве, провозгласившем рабоче-крестьянскую власть, о недовольстве населения сталинской политикой, которая в дальнейшем приведёт к крушению Советского Союза. В справке начальника тюрьмы, на основании которой была осуществлена внесудебная расправа над И.Я. Вайнштейном, говорилось, что он «восхвалял врагов народа, высказывался о падении Верховной власти, нарушал правила тюремного режима и оскорблял надзирательский состав». 16 января 1938 г. тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю И.Я. Вайнштейн был приговорён к расстрелу, и 19 января 1938 г. расстрелян. У его семьи отобрали квартиру, оставшиеся в ней рукописи погибли.

В 1957 г. вдова И.Я. Вайнштейна добилась его реабилитации. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила 26 марта 1957 г. приговор 1937 г., а 2 апреля 1957 г. приговор 1938 г. в отношении И.Я. Вайнштейна. В ходе проверки выяснилось, что в деле того подследственного, на основе показаний которого И.Я. Вайнштейн был арестован в 1936 г., нет этих самых показаний, которые ему цитировались и предъявлялись в обоснование обвинения. Что касается второго, смертного, приговора, то кроме голословной справки начальника тюрьмы не было никаких объективных доказательств вины. Видимо, упорство И.Я. Вайнштейна, которого нельзя было заставить лжесвидетельствовать против себя, вынудило как московских, так и мариинских следователей идти на фальсификацию.

Сын И.Я. Вайнштейна Севьян Израилевич (1926 – 2008) стал доктором исторических наук, известным этнографом, специалистом по истории, этнографии и археологии Тувы. В 1989 г. он смог ознакомиться с уголовным делом отца и написал о нём заметку в журнал «Вопросы философии» [5, с. 160–162].

В семье сохранились воспоминания вдовы И.Я. Вайнштейна Ф.И. Коробовой-Литвин и воспоминания его сына С.И. Вайнштейна. В случае репрессированных советских философов знакомство с мемуар-

ной литературой имеет неопределимую значимость. Ведь репрессиям подвергались не только сами философы, но и их родственники, друзья, коллеги, знакомые. Вокруг оставалось выжженное поле. Если о русских философах иных эпох можно собрать воспоминания, то об этих мучениках и вспомнить практически некому. Поэтому так ценны любые воспоминания, чудом сохранившиеся в семьях погибших. Они не только заставляют не забывать о трагедии, постигшей советскую философию, но и воссоздают облик людей и атмосферу, социокультурное измерение времени.

Благодарим за предоставленные материалы вдову Севьяна Израилевича Вайнштейна Алевтину Никифоровну и его дочь, внучку И.Я. Вайнштейна, Анну Севьяновну.

СЛОВО ОБ ИЗРАИЛЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ ВАЙНШТЕЙНЕ

Ф.И. Коробова-Литвин

14 марта 1925 г., в субботу, я выехала в Москву из Риги. Меня провожал отец. Во всем вагоне я была одна, ехать пришлось двое суток. Около полудня 16 марта поезд прибыл в столицу Советской России, в страну коммунистического будущего. Я была полна энтузиазма. Когда отец уговаривал меня остаться в Риге и говорил, что Россия страна бедная, то я возразила, что богатство не в деньгах и имуществе, а в счастье! Счастье же не в богатстве, а в свободе, равенстве и братстве...

Итак, я в Москве. Здесь жил мой брат Иосиф с женой Раей. Еще из Риги я ему писала, чтобы он взял меня в Москву, и он мне прислал вызов. Встречать на вокзал приехала Рая. Мы вышли из Рижского вокзала и сели на маленький трамвай, затем пересели на другой. Он привез нас к Институту красной профессуры в центре Москвы на Остоженке, 53. Мы вошли в здание и медленно поднялись по широкой лестнице на четвертый этаж, где находилось общежитие студентов и преподавателей Института. Мы вошли в маленькую комнату, где жили Иосиф и Рая. Иосифа не было дома, он уехал читать лекцию в Институт им. Тимирязева (он читал лекции по истории). На небольшом столе в бедно обставленной комнате, с рисунками цветов на окнах, лежало письмо Иосифа и стояла бутылка сухого вина. В окно виднелась свалка и какие-то покосившиеся палатки на пустыре – ныне здесь Парк культуры и отдыха им. Горького. По бокам у стен стояли две железные кровати, у двери – комод без одной из створок, рядом – небольшие дощатые полки для книг, заполненные «красной» литературой. Справа стоял простенький письменный стол и три венских стула. Над столом висели три портрета: Маркса, Ленина, Сталина. Маркса и Ленина я сразу узнала, так как

видела их портреты раньше, но человека грузинского облика с большими усами и маленьким лбом я видела впервые. «Кто это? – спросила я в недоумении, – похож на рижских сапожников». Рая расхохоталась и ответила: «Нет, сапожник – его отец».

Вскоре в нашу комнату вошло несколько человек – соседи по общежитию. Это был член ЦКК партии латыш Розит (позднее, кажется, в 1937 году он был расстрелян как «враг народа»)² и Генрих Бернис – он был студентом Тимирязевской академии³, а также его жена Ольга Николаевна, работавшая до этого уборщицей. Все трое жили в соседней, столь же плохо обставленной комнате.

На следующий день Иосиф ушел утром по делам, а Рая уехала на рабфак, где она училась. Он познакомился с нею в 1918 году в госпитале, где он лежал раненый на фронтах Гражданской войны, а Рая была сестрой милосердия и ухаживала за ним. Она была членом партии и после окончания Гражданской войны поступила на рабфак, чтобы затем поступить на медицинский факультет Московского университета. Я одна вышла утром 17 марта осмотреть Москву, оглядела Остоженку, вышла на мост через Москву-реку...

18 марта Иосиф и Рая пошли со мной погулять по городу, осмотреть его достопримечательности. Спускаясь по лестнице у выхода из здания, мы встретили красивого молодого мужчину высокого роста в поношенном летнем пальто темно-серого цвета и темной кепи. Он остановился, поздоровался и спросил, открыта ли уже столовая. Иосиф ответил, что столовая закрыта, и заметил ему, что приехала сестра и он идет с женой показать приезжей город. Познакомил нас. Это был Израиль Яковлевич Вайнштейн – мой будущий муж. Мы тут же расстались. Мы подошли к огромному зданию на Волхонке – храму Христа Спасителя. Иосиф подробно рассказал мне о храме, о его строительстве, об архитектуре этого памятника. Потом мы прошли к зданию Коммунистической академии на Волхонке (теперь здесь Институт философии Академии наук), осмотрели с улицы Музей изящных искусств (теперь здание Музея изобразительных искусств им. Пушкина), погуляли по городу до вечера. Вернулись мы довольно усталые, и я прилегла отдохнуть. Вдруг раздался стук в дверь. Вошел тот самый молодой человек, которого мы встретили у выхода из здания. Он извинился и сказал, что у него как раз есть на сегодня три билета в Еврейский театр на спектакль «Три изюминки». Не согласятся ли гостя и Иосиф пойти в театр. Мы согласились. Он вышел, я быстро переоделась, и мы пошли. В театре мы сидели на очень хороших местах, спектакль был неплохой, но я

---

² Розит Дав Петрович (1895 – 1937) – партийный работник, участник революции и Гражданской войны, в описываемое время зав. рабфаком МГУ. Репрессирован, расстрелян.

³ Бернис Генрих Генрихович – инженер по механизации сельского хозяйства.

больше внимания уделяла тихому разговору, который вели мой брат и будущий муж. Запомнились удивившие меня слова будущего мужа: «Троцкий – политический труп».

Через несколько дней к нам пришли в гости Марецкий⁴, Слепков⁵, Розит, а также сестра Марецкого, в будущем знаменитая артистка⁶, а тогда еще очень молоденькая женщина с длинной косой. Пришел и Израиль Яковлевич, к которому все обращались «товарищ Вайнштейн». «Товарищем Вайнштейном» в разговоре с ним называла будущего мужа и я. Впрочем, все тогда обращались друг к другу «товарищ такой-то», а не по имени и отчеству. Я поняла в ту пору, что товарищ Вайнштейн начал за мной ухаживать. Знаки внимания оказывали и другие. Но Вайнштейн всех опережал: каждое утро под дверью лежали два билета в театр с запиской «от Вайнштейна». Так мы побывали несколько раз в Большом театре, где смотрели «Лебединое озеро» и другие спектакли, были в театре Вахтангова на «Принцессе Турандот», были в Художественном театре, кажется, была премьера «Дней Турбиных».

Однажды Вайнштейн пригласил нас в гости к себе домой. Мы пришли к нему на Петровку в дом 17, кв. 49. Мы с Иосифом вошли в широкий коридор, прошли его, зашли в другой коридор, в первую комнату налево. Мы увидели небольшую комнату. Здесь стоял старый стол, всего один стул и кровать. Кроме того, на подоконнике лежала высокая стопка книг, закрывая свет – ни одного шкафа, ни этажерки в комнате не было. Обстановка произвела на меня тяжелое впечатление и своей бедностью, и неустроенностью. Я обратила внимание, что на каждом предмете – кровати, столе, стуле – прибита металлическая бирка «Комакадемия».

Еще накануне, во время нашей встречи, Вайнштейн, узнав, что я собираюсь устроиться на работу, так как хочу получать заработную плату, а не находиться на иждивении Иосифа, решительно настоял, чтобы я взяла у него только что полученную им зарплату. Сказал: «Иначе, я её потеряю».

На следующий день, спросив, где продается мебель, я поехала на большой тогда Смоленский рынок и на деньги Вайнштейна купила ему синие занавески, сшитые из тюля, обеденный стол, вешалку для пальто, две этажерки для книг, кушетку. Купленные вещи отвез мне на тележке мужчина от рынка до Петровки, 17. В комнате этот же мужчина помог мне расставить мебель, я повесила занавески. Я не оставила даже запис-

---

⁴ Было два брата Марецких: Григорий Петрович (1900 – 1937) и Дмитрий Петрович (1901 – 1937), в описываемый период слушатели Института красной профессуры. Оба были репрессированы и расстреляны.

⁵ Было три брата Слепковых: Александр Николаевич (1899 – 1937), Василий Николаевич (1902 – 1937) и Владимир Николаевич (1907 – 1937), в описываемый период слушатели Института красной профессуры. Все были репрессированы и расстреляны.

⁶ Марецкая Вера Петровна (1906 – 1978) – народная артистка СССР.

ку и ушла, решив сделать сюрприз Вайнштейну. Это было в конце апреля, накануне майских торжеств.

Вайнштейн был очень тронут этим. На следующий день он сказал мне, когда открыл комнату, даже решил, что попал не туда. Его соседка Сафонова разъяснила его недоумение. Она сказала ему, что пришла молодая интеллигентная девушка в плюшевом красивом пальто, привезла мебель и ушла. Вайнштейн говорил мне, что никогда раньше не жил в такой богато обставленной комнате.

Вспоминается Первое мая 1926 года. Рано утром все сотрудники и студенты Института Красной профессуры стали собираться на демонстрацию возле здания. Я решила навестить Вайнштейна на Петровке. Пошла к нему, зашла в его комнату (он ее никогда не закрывал на ключ) и решила подождать его возвращения с демонстрации. Кто-то из его друзей меня увидел и сказал ему, что я нахожусь у него дома. Вайнштейн тут же пришел и сказал, что их колонна как раз находится рядом на Петровке, и они скоро пройдут Красную площадь, и он вернется домой. Но я решила не ждать, а спуститься вниз и посмотреть на демонстрацию. Но тут меня увидели друзья отца, и один из них – Пашуканис⁷ схватил меня за руки и поставил рядом с Вайнштейном. Мы пошли вместе. Был солнечный теплый день, играла музыка. Многие мысли пронеслись у меня тогда... Вошли на Красную площадь, прошли мимо трибуны, на которой стояло все Советское правительство тех лет. Я увидела главу правительства Рыкова⁸, многих других...

Вечером у Иосифа мы собрались на пирушку. День прошел очень хорошо и запомнился во всех деталях на всю жизнь.

Мой муж много рассказывал мне о себе, о своей жизни. Вспоминаются его первые рассказы о своей жизни. Мы сидели тогда – это было весной 1925, еще до замужества – на сваленных возле здания Института красной профессуры на Остоженке, 53 (теперь там МГИМО) бревнах, смотрели на угасающий закат над Москвой-рекой, на мост, по которому не торопясь ехали телеги, возки, запряженные в крепких рослых лошадей, шли куда-то люди... Я рассказывала о себе, он – о себе... Много я услышала и позднее.

Мой муж родился на Украине недалеко от Киева и Житомира – культурных центров тех мест, в местечке Коростышев в 1896 г. в еврейский праздник Хамишоошер бешват (это праздник фруктов). Точной даты своего рождения мой муж не знал.

Отец мужа Яков был из местной семьи Маломед – все его предки были учителя, позднее дед мужа взял себе фамилию Вайнштейн, наде-

---

⁷ Пашуканис Евгений Брониславович (1891 – 1937) – вице-президент Коммунистической академии. Репрессирован, расстрелян.

⁸ Рыков Алексей Иванович (1881 – 1938) – председатель СНК СССР. Репрессирован, расстрелян.

ясь, что это фамилия богатых людей и, может быть, они будут не такие бедные – его дети и внуки.

Отец из-за бедности смог получить только самое низкое образование в хедере (учился с 4 лет до 9). Он был очень музыкален, пел в синагоге, но судьба не дала ему возможности выбрать другой путь, кроме уготованного. Он вместе с его бабушкой имел маленький магазин (в маленьком деревянном полуразвалившемся доме – бабушка была хозяйкой). Муж вспоминал, что она запомнилась ему стоящей одиноко вечером около дома с устремленным к звездам взглядом.

Мать мужа Грина родилась в Киеве. Она вышла за отца мужа, переехав из Киева в Коростышев, так как очень его любила. Муж говорил, что был внешне похож на мать. Три года не было детей, а потом родился мой муж, но при родах не проявлял признаков жизни, его шлепали, кидали то в холодную, то в горячую воду.

В 4 года он также пошел по обычному для местечковых еврейских детей пути: в еврейскую школу – хедер. У моего мужа с детства проявился интерес к размышлениям о причинах бедности одних и богатства других, о причинах добра и зла. Так, однажды он спросил у отца, почему одни имеют теплое пальто, другие – нет. Тот ответил, что одни – бедные, другие – богатые. «Но, – возразил тогда ребенок, – почему же мороз для всех одинаков?!». В хедере преподавали еврейское письмо, арифметику, Талмуд, Библию. Он был самым способным учеником в хедере, и учитель, хваля его, часто говорил: «Ты будешь знаменитым раввином». Когда он закончил хедер в свои 9 лет, учитель сказал ему: «Теперь ты знаешь столько же, сколько и я. Учись дальше...»

Девяти лет отец устроил его, как и было положено в бедных еврейских семьях, мальчиком на побегушках в большой галантерейный магазин. Там не только торговали галантереей, но и запасали для обертки разную макулатуру, которая лежала у продавцов под прилавками. Там были в обрывках, а то и целиком, газеты, журналы, книги на русском, украинском немецком и других языках. Изя решил научиться читать по-русски. Взял карандаш и каждый раз, когда выдавалась свободная минута, изучал русский алфавит, учился читать. Никто ему не помогал, и до всего он дошел сам. Научился по старому букварю, который лежал среди макулатуры. Хозяину очень не нравилось, что он углублялся в чтение букваря, и иногда его приходилось звать по нескольку раз. Он запретил ему читать на работе. Тогда Изя стал потихоньку брать букварь домой и сидел на чердаке при свете лучин. И вскоре открылся ему мир книг – он находил русские книги среди макулатуры и в темноте вечером, спрятав под рубашку, носил, читал, возвращал потом обратно в кучу наваленной в магазине макулатуры. Хозяин, видимо, замечал все это... Однажды в магазин пришла богатая женщина, купила кружева. Хозяин отмерил. Она заплатила за несколько метров. Хозяин завернул в бумагу и сказал: «Этот мальчик рассыльный отнесет Вам». А когда по-

купательница ушла, хозяин развернул пакет и отрезал от покупки кусок кружев. Потом завернул обратно и сказал: «Изя, отнеси!» Бывало такое и раньше, но здесь ребенок не выдержал обмана. Он сказал хозяину, что не понесет пакет с обкраденной покупкой. Через минуту он уже был уволен и выкинут из магазина.

Отец, узнав об этом, ругал его, бил. Устроить с такой репутацией в Коростышеве было невозможно. Пришлось отдать его на работу в соседний город Житомир. Отец сказал мальчику: «Будешь жить и работать в Житомире. Не хватает, чтобы ты со своими лучинками спалил нашу хатку. Поживешь у чужих людей – лучше узнаешь жизнь, чем из книг».

На этот раз отцу «повезло»: ему удалось устроить мальчика в большой галантерейный магазин в Житомире. Хозяин согласился взять его в свой дом. Он должен был прислуживать в доме в то время, когда не работал в магазине, в остальное время помогать продавцам. Получал он за это жилье в доме хозяина, питание, одежду и целый рубль деньгами за... год службы «честной и добросовестной». Отец был очень доволен этим и говорил, прощаясь: «Служи исправно, слушайся, угождай во всем, лучше работы не найдешь!» А мальчику было в ту пору 9 лет...

У моего мужа было два брата – Абрам и Александр. Абрам был самый младший, он учился и после революции, закончив педучилище, работал, кажется, педагогом. Средний брат Александр, когда был маленьким, в возрасте нескольких месяцев, находился без присмотра во дворе, к нему подошла свинья и, несмотря на его страшный крик, съела у него все ухо и часть щеки. Когда он вырос, то работал в Коростышеве почтальоном.

Итак, мой муж в возрасте 9 лет был отдан в услужение в магазин. Он исполнял всю работу, трудился, не жалея сил, чтобы... вступить в житомирскую библиотеку, куда требовался взнос – 1 рубль.

И вот год прошел. Хозяин вручил ему заработанный рубль. Получив деньги, он рассчитался с хозяином, в тот же день пришел в библиотеку. И вот радость! Он стал читателем библиотеки, может даже брать книги на дом... Взяв первую партию книг, он ушел в Коростышев домой.

Просидев следующий день в библиотеке, он вечером ушел вновь в Коростышев.

Каждое утро он шел многие километры из Коростышева в Житомир, чтобы провести день в библиотеке, а вечером вновь на голодный желудок шагать домой. В библиотеке он на клочках дешевой бумаги писал и приносил эти записи домой. Иногда в его отсутствие эти «конспекты» использовали дома для разжигания печи. Питался очень плохо – только утром и вечером, ощущая укоризненные взгляды других членов семьи. Ведь он в их глазах был дармоедом. Скоро он сносил обувь, одежду, полученные от хозяина житомирского магазина, поэтому, если было не очень холодно, ходил босиком. Прошел год, еще год... Сноси-

лась рубашка, совсем разорвались и превратились в лохмотья брюки. Но он изо дня в день в любую погоду (исключения делал только в очень суровые вьюжные зимние дни – ведь надо было беречь остатки обуви для библиотеки) шел в библиотеку, а потом домой. Но это не страшило его, не делало несчастным, наоборот – он только теперь был по-настоящему счастлив: ведь он открыл мир, и какой мир! Уже в эти годы он читал Аристотеля и Платона, Дидро и Чернышевского, Пушкина и Толстого... А что не было одежды? Он выходил из положения тем, что носил длинное до пят пальто, которое он не снимал и в библиотеке. Сидел в нем у керосиновой лампы, застегнувшись на все пуговицы.

В библиотеке привыкли к этому странному нищему и худому подростку, который не приходил сюда только в сильную стужу и брал читать не по возрасту серьезные книги, которые до того годами пылились на полках. Уже в первый «библиотечный год» он, пользуясь учебниками, самостоятельно изучил латынь, немецкий, начал изучать французский... На второй «библиотечный год» он открыл для себя Маркса, Плеханова, Канта, Гегеля...

Мой муж как-то рассказал о случае, который произошел с ним, когда ему было 13 лет. В библиотеку как-то зашла за книгой немолодая полная местная аристократка из именитых дворян. Обратила внимание на худого нищего подростка, жадно читающего очень серьезные книги. Библиотекарь на ее вопрос что-то рассказал ей. Она подошла и завела разговор с «вундеркиндом». Поговорив с ним некоторое время, она вдруг сказала: «У меня есть предложение: ты возьмешь другую веру, станешь христианином, а я тебя усыновлю. Одну как следует, приведу в порядок твои дела и пошлю учиться в Петербургский университет». Еще долго длился их разговор. Она посмотрела книги, которые лежали у него на столе. Среди них был Маркс. Мальчик отказался быть усыновленным, но от души поблагодарил за желание помочь: «Не могу принять Ваше предложение. Мой путь в жизни другой!» – закончил он этот разговор и встал, чтобы уйти. Женщина остановила его и с грустью произнесла: «Я никому не расскажу о твоём желании стать революционером, но помни: у тебя может быть страшный конец...»

Когда ему было тринадцать лет, в холодную осеннюю пору он, находясь в библиотеке, почувствовал себя очень плохо, плохо было все эти последние дни. И он понял, что долго не сможет ходить в библиотеку. Сдал книги и признался библиотекарю, что ходить не сможет, что болеет, и попросил одну из книг домой, обещал сразу же по выздоровлению отнести ее обратно. Книгу получил. Добрался с трудом домой, как всегда, шел пешком. Свалился в горячке. Когда немного стало лучше, дочитал книгу, но идти в Житомир не мог. А тут как раз отец должен был ехать в этот город. И тогда отец взял эту книгу, пообещал ее сдать и взять ту, которую в записке просил сын, если библиотекарь даст. Когда отец вернулся, книги у него не было. «Почему ты не привез

книгу?» – спросил мальчик. «Потому не привез – сдал твою книгу и забрал рубль залога. Он, этот рубль, ой как нужен в доме. Ты ведь ничего не зарабатываешь, а ешь!» В ужасе больной еще мальчик выскочил на улицу и сел, содрогаясь в рыданиях. Вдруг почувствовал, что кто-то взял его за плечо. Это был дальний родственник – продавец здешнего магазина. «Почему ты так плачешь, Изя?» Мальчик рассказал. «Ну что ж, – сказал подошедший родственник, – я книг не читаю, не выучился. Так читай же за меня и возьми мой подарок – этот рубль». Через несколько дней Израиль шагнул по дороге в библиотеку.

Все больше и больше привлекали его идеи революционеров. Но такой литературы в библиотеке почти не было. Скоро он установил связь с местными житомирскими революционерами. Получил первые задания. Начал агитацию среди рабочих.

Весной 1914 г. как «большевик» – рабочий агитатор (хотя он тогда еще формально и не был членом партии) он был арестован царской охранкой, отправлен в Киевскую тюрьму. Здесь он долго сидел без какого-либо суда. Следствие тянулось долго. Но вот началась война, мобилизация. Ему было тогда 18 лет. Неожиданно его выпустили, а вскоре он был призван в армию и попал почти сразу в наступающие части в районе Карпат. Солдаты гибли... После Февральской революции начался развал армии. Он не хотел воевать за Керенского «До победного конца!», вернулся домой, чтобы вновь заняться революционной работой в большевистской организации. По дороге заразился сыпным тифом, приехал больной. Дома было еще более бедно. Семья голодала. Мать лежала парализованная. Все, кроме матери, заразились тифом, и всю семью отвезли в больницу. Болели тяжело и долго, но не умерли. Когда начали выздоравливать, узнали, что за матерью никто не ухаживал и она умерла от голода. Вернувшись, похоронил мать. Это было начало 1918 года. В больнице узнали вести о победе большевиков в Петрограде, об аресте Временного правительства, о бегстве Керенского. Как только Израиль вернулся домой, он решил уехать в Киев. Был конец февраля 1918 года, формировалась Красная армия, и Израиль Яковлевич сразу же добровольно вступил в ее ряды. Начались тяжелые годы Гражданской войны. Там он оформил свое членство в партии большевиков, в которой фактически, идейно состоял еще с 1914 г. Прошел с боями многие фронты Гражданской войны. В составе Буденовской армии, где он был комиссаром, прошел почти до Варшавы. Здесь попал в окружение, был в польском плену. Вспоминал потом о пытках, которым его подвергали. Но выстоял. Советское правительство провело обмен военнопленных, и он приезжает в Москву.

Итак, Москва, 1921 год. Решил учиться, получить высшее образование. Узнал о приеме в Институт красной профессуры, пришел на экзамен. На экзамене был А.М. Деборин (впоследствии академик). Выслушав ответы Вайнштейна, он сказал: «Товарищи, знания Вайнштейна

очень серьезные, систематические и фундаментальные, в особенности в области марксистской философии. Учиться ему незачем. Он знает не меньше нас – преподавателей. И сам может готовить красных профессоров». Его оставили в этом первом высшем коммунистическом учебном заведении преподавателем философии. Так начал свой путь в науку демобилизованный воин, постигший тайны науки самоучкой, в невероятно тяжелых условиях.

Он был принят сразу же в Комакадемию старшим научным сотрудником. Так началась научная работа Вайнштейна. Вскоре от Комакадемии он получил квартиру, точнее комнату на Петровке 17, кв. 49. Это было в 1922 году. Вскоре уже вышла его первая научная статья по философии. Печатались его рецензии и статьи в журналах «Под знаменем марксизма», «Октябрь мысли» и других. Только в 1924 году были напечатаны пять его работ: «Идеологизм и классовая борьба», «Марксистская психология и патологический марксизм», «Лукач и его теория овеществления», «Тектология и тактика», а также рецензия на книгу А.Б. Залкинда «Очерки культуры революционного времени». В следующем году вышли его работы «Искусство и организационная теория», «Организационный опыт или преодоление философии», «Мышление и речь (к критике А. Богданова)» и др. Свою статью «Искусство и организационная теория» он подарил мне за несколько дней до нашей регистрации с надписью: «Спутнику в борьбе и радостях, отраде и унынии, дорогой Фриде от автора. Москва, 26.06.1925».

Вскоре он завершил и свою первую большую книгу «Гегель, Маркс и Ленин» (1-е издание – М., 1928; 2-е издание – 1930; ряд изданий за рубежом, в том числе в 1934 г. в Японии).

После одного из посещений Большого театра в конце мая 1925 года мы вышли на скверик, что расположен рядом. Был теплый весенний вечер. Прошли немного по аллее и присели на одной из пустых скамеек. Началась одна из наших обычных бесед и вдруг... Вайнштейн сделал мне предложение выйти за него замуж. Я возразила, что мы не подходим друг другу – он философ, у него особый мир интересов. Но Вайнштейн ничего не хотел слышать и приводил многие примеры, когда муж и жена жили очень хорошо, любили друг друга, но имели не совсем близкие интересы. Я обещала подумать и дать ответ позднее.

Через несколько дней я согласилась выйти замуж и переехала к Вайнштейну, а 30 июня мы зарегистрировались. Вспоминаю тот далекий день. Утром – это был понедельник – мы пошли в ЗАГС. Находился он в Летьевском переулке в небольшом доме. Регистрация велась в маленькой комнате. Сюда тянулась длинная очередь. Стояли люди и горестные – они пришли зарегистрировать смерть своих близких, и радостные, желавшие поскорее скрепить свои брачные узы, и молодые родители, получавшие свидетельства о рождении детей. Свидетели наши – Иосиф, мой брат, и друг – стояли в очереди вместе с нами. Простояв до-

вольно долго в очереди, мы наконец добрались до стола регистрации. Выяснив, что мы пришли соединить наши жизни, молодая женщина быстро заполнила какие-то графы в лежавшей перед ней книге, дала нам и свидетелям заполнить какие-то бланки и объявила, что моя фамилия теперь Вайнштейн. Тут же были сделаны записи в паспортах, поставлены печати, и тем самым процедура закончилась. Мы вышли из помещения и тихо пошли по улице. Был солнечный жаркий полдень. Мы зашли в толстовскую столовую на Газетном переулке. Это была старая вегетарианская столовая с надписью у входа: «Не ешь живого!» Скромно победав, мы решили поехать в Тимирязевский парк (наши свидетели из ЗАГСа уехали по своим делам). Никакой свадьбы мы не планировали, и потому возможность погулять в парке казалась нам лучшим, что можно было сделать. Медленно шли по аллеям парка, тихо беседовали, планировали нашу будущую жизнь. Вайнштейну было тогда 29 лет, я была на два года моложе. Потом сели на лавочку и услышали совсем рядом веселые наигрыши на гармошке, пение веселой компании. Поблизости веселилась группа молодежи. Я закрыла глаза и подумала, что это наша свадьба, играет музыка для нас. Вайнштейн, когда я ему это сказала, грустно улыбнулся и, помолчав, добавил: «Да, конечно же, они радуются, как на свадьбе. Будем считать, что это наша свадьба. Закроем глаза, помечтаем под веселую музыку...» Вечером к нам зашел один из друзей Вайнштейна. Мы открыли бутылку вина, выпили по бокалу, посидели втроем до позднего вечера.

Мы жили в большой коммунальной квартире. Здесь жила семья бывших владельцев дома Сафоновых, семья Цейтлиных, семья Миленцева с женой и тремя детьми (позднее Миленцев выехал и в квартире поселился Батурицкий с семьей, в том числе его сын, ставший впоследствии известным шахматистом). Сафонова имела двух породистых собак – сеттеров. В квартире была одна небольшая кухня, у каждой семьи имелся свой кухонный столик и керосинки или примус. Здесь все хозяйки готовили, стирали, ругались. Здесь же находился кран с водой – здесь и брали воду и умывались (по утрам стояли в очереди, чтобы помыться). Сафонова особенно невзлюбила меня – однажды в припадке очередной ругани она бросила мне: «Отсюда из России все умные люди бегут за границу. А вы приехали – надо же быть такой душой. Вот увидите – большевики долго не удержатся. Новая власть расстреляет вашего мужа-большевика, а вы останетесь с ребенком бездомной...»

В начале июля мы поехали в свадебное путешествие. Возможность такой поездки облегчалась тем, что Вайнштейн читал лекции в Институте железнодорожного транспорта (был преподавателем этого института и имел бесплатный проезд на поездах и пароходах). Мы доехали на поезде до Нижнего Новгорода. Оттуда сели на пароход «Лев Троцкий» и поплыли вниз по Волге. У нас была большая отдельная каюта, погода была замечательная, виды по берегам сказочные. Жигулевские горы,

калмыцкие степи с несчетными стадами скота, деревушки... все это проплывало в летней синеве за бортом нашего колесного парохода. Жизнь в ту пору казалась прекрасной. Несколько дней мы пробьли в Астрахани и тем же пароходом вернулись в Нижний Новгород. Застали там большую ярмарку, побывали на ней и даже купили несколько сувениров.

Вскоре я начала ждать рождения ребенка. Мне предстояло стать матерью.

12 апреля 1926 года родился сын, это произошло в частном родильном доме Угрюмовой в Гнездинском переулке, дом 5. Я очень мучилась при родах. Когда я пожаловалась Угрюмовой на трудность родов, она сказала, что даже ювелиры, увы, рождаются так. Видимо, ювелир в ее представлении был почти Бог.

Мой муж смог поздравить меня лишь на следующий день, потому что в этот день у него была дискуссия в Комакадемии на Волхонке, 11. Он пришел и рассказал о прошедшем диспуте. Рассказал о том, что после дискуссии повесили большую стенгазету, в которой был помещен его портрет, выполненный академическим карикатуристом. Изображен он был бойцом, а его оппоненты – в нокауте. Пришел и Иосиф – он принес цветы. Пришла и соседка Елизавета Исааковна Батуриная (мать шахматиста Вити Батуриного) с цветами.

Когда я вернулась на Петровку вместе с ребенком (меня сопровождала сестра-акушерка), то была поражена. Оказалось, что пока я была в больнице, в квартире решили отремонтировать кухню, а на это время все кухонное имущество снести к нам в комнату. Здесь и шла готовка, горели примуса и керосинки...

Мой сын рос быстро. Отец, слушая его плачь и крики, назвал его Громобоем. Имя ему дали Севьян по матери мужа (ее звали Циля) и отцу его (имя его было Яков). Я составила по этому случаю стихи на немецком языке.

В июне мы решили снять дачу. Нам дали комнату в имении Пустовалова, где академия устроила дачу. Комната была хорошая. Рядом был густой лес. Однажды ночью на дачу напали разбойники. Пришли они ночью и забрали всю пищу у меня вместе с кастрюлями, а также 30 руб. деньгами (все, что я имела). Обобрали и всех других дачников – пять семей, живших с нами в одном доме. Рядом с нами в соседнем месте, где раньше находилось имение Некрасова, они, встретив сопротивление заведующего, убили его. Убили они и собак, которые охраняли дом. В стране в ту пору было много грабежей и убийств.

Сын быстро рос. Около года он начал ходить, в это время он уже хорошо говорил. Каждое следующее лето мы тоже проводили на дачах. Снимали у частных комнат. Я гуляла с сыном, старалась говорить с ним только по-немецки. Он научился хорошо говорить по-немецки. Ко мне даже обратился с просьбой один немец, чтобы я согласилась дать ему сына в качестве переводчика (сыну было тогда 4 года).

Когда сыну было четыре года, летом 1930 года мы обменяли нашу квартиру и переехали в большой семиэтажный дом на Звонарском переулке (ныне Второй Неглинный), кв. 23 на шестом этаже (дом 1). Здесь мы жили в отдельной трехкомнатной квартире с удобствами, что было в те годы большой редкостью.

В этом же году выехал в командировку за границу Иосиф. Он работал в Госиздате заведующим отделом. Наркомат внешней торговли направил его для работы в торгпредство в Лондон. Когда начались сталинские репрессии, Иосиф, зная о гибели многих большевиков-ленинцев, решил не возвращаться в СССР и остался там с женой Раей.

В школу мой сын пошел в 1934 году, учился хорошо, много рисовал, собирал марки, увлекался астрономией.

В эти годы муж выглядел очень молодо. Был высокого роста, с большим высоким лбом, густой вьющейся черной шевелюрой, черными большими глазами. Во время улыбки глаза становились чуть ироничными.

К этому времени он ушел из Комакадемии и работал руководителем кафедры марксизма-ленинизма в Московском авиационном институте.

Он очень любил плавать, любил отдыхать в Алуште в Крыму, куда ездил несколько раз летом. Запомнилось небольшое шуточное стихотворение, написанное кем-то из его друзей:

«Вайнштейн плывет, Вайнштейн плывет, Вайнштейн плывет на море.

Рекорды бьет, рекорды бьет Дыннику⁹ на горе».

Человек мой муж был физически крепкий, почти не болел. Не курил и почти не пил (только в редких компаниях на еще более редких праздниках). Зарабатывал он немного, жили мы очень скромно. Как-то я сказала Вайнштейну, что надо немножко откладывать на черный день: «Черных дней больше не будет – будут только красные!»

Когда мы в 1930 г. переехали в новую квартиру с удобствами, то, оглядывая ее, он сказал: «Даже не верится. Давно ли я нищим мальчиком ютился на чердаке, а теперь такая квартира!»

Целыми днями Вайнштейн находился в библиотеке и на работе. Уходил рано, приходил поздно вечером. Сына очень любил и часто высказывал горькое сожаление, что почти совсем не мог уделить ему времени.

В последние годы он особенно много и напряженно работал над большой новой своей книгой «Закономерности переходной экономики». К началу 1936 г. рукопись объемом около 800 машинописных листов была окончена и находилась у нас дома. Это был, как говорил Вайнштейн, важнейший труд его жизни, обобщающий опыт экономического развития СССР и выявляющий основные закономерности перехода от

---

⁹ Дынник Михаил Александрович (1896 – 1971) – член-корреспондент АН СССР.

капитализма к коммунизму. Позднее рукопись, к несчастью, погибла после ареста мужа.

Летом 1936 г. мы в последний раз вместе жили на даче в подмосковной местности Отдых¹⁰ у наших знакомых Миренских. Отсюда муж в конце июля уехал в Крым в санаторий в Симеизе. Перед отъездом он подарил сыну двух ручных голубей и обещал привезти море к нам. Я и десятилетний сын проводили его до перрона. Было хорошее теплое солнечное утро. Подошел пригородный поезд. Муж сел в вагон и, радостно улыбаясь, махнул нам рукой. Больше мужа я не видела. Когда мой муж отдыхал в Крыму, он был арестован.

Муж должен был вернуться 20 августа, но наступил сентябрь, а его все не было. Не было и вестей. Я очень волновалась, посылала запросы в Крым, но все напрасно.

Пришла холодная дождливая осень. Мы одни вернулись в Москву 25 августа. Начался сентябрь – время начала учебы сына, работы мужа, но его все не было. Я очень волновалась, посылала в Крым запросы, но ответ не получила. Ездила, взяв с собой сына, на окраину Москвы в Авиационный институт, но и там ответили, что ничего не знают. Но в Авиационном институте один из преподавателей тихо и доверительно сказал мне, чтобы я на всякий случай справилась в приемной НКВД, добавив: «Идут аресты».

Я пошла в приемную НКВД на Кузнецком мосту, 4. Но и там, выстояв огромную долгую очередь, ничего не узнала. На третий раз, в середине сентября, выстояв вместе с сыном опять длинную очередь, я подошла к маленькому окошку в забитой людьми приемной НКВД на Кузнецком. Услышала в ответ на мою просьбу: «Дайте паспорт». Через некоторое время из окошка вернули паспорт со словами: «Арестован, находится в Бутырской тюрьме». Это было страшное известие. На мой вопрос: «За что, когда?..» – раздраженный ответ: «Поезжайте в Бутырку, узнаете!»

Тут же поехала на трамвае в Бутырку. Когда я сошла с трамвая, увидела огромную очередь. Подошла к ней. Стояли женщины, дети, старики и старухи, мужчин почти не было. Все стояли молча, опустив голову, с мрачными лицами. Я удивилась интеллигентности публики. Спросила у стоявших в очереди, где узнать о человеке, сидящем в тюрьме. Мне указали на огромный тяжелый дом. Кругом ходили часовые. Надо было пройти во двор и там в конторке узнать. Оказалось, что очередь стоит с передачами для заключенных.

Я вошла в конторку и спросила у дежурного, здесь ли Вайнштейн, который, как мне сказали на Кузнецком, находится в Бутырке. Он порылся в списках и ответил: «Да, есть такой...» Спросила, могу ли принести передачу, и услышала: «Тогда-то и тогда-то. Можете принести

---

¹⁰ Название дачного посёлка.

деньги, продукты в готовом для употребления виде, кипяченое молоко, нарезанный хлеб, масло и пр. Можно принести стираное белье».

В этот же день я принесла купленное рядом с домом молоко в бидоне, хлеб, сахар. Принесла все в пакетах, выстояла очередь. Посмотрели и говорят в окошке: «Не можем принять в пакетах, нужен мешок». И тут же стоявшая за мной в очереди старушка протянула мне наволочку из бельевой передачи своей, которую она принесла арестованному сыну. Дали мне бланк, и я написала список продуктов, которые принесла. Сказали, чтобы я подождала. Прошло много времени, я все стояла и ждала. Наконец вызвали и отдали этот же листок-бланк с моим списком. Внизу под ним стояла подпись мужа. Я зарыдала, прильнула губами к подписи. Значит, он жив, значит, будет на свободе.

Я была твёрдо уверена, что его скоро выпустят. Ведь кругом говорили о врагах партии и народа, которых карает правосудие, – троцкистах, зиновьевцах. Они, как писали газеты и утверждало радио, не только хотели вернуть к власти капиталистов и помещиков, но и продали страну Гитлеру и Муссолини – были наемными убийцами, злодейски умертвившими в своих коварных целях Горького, Кирова, многих других честных коммунистов и преданных партии людей. Но я-то хорошо знала, что мой муж был честнейшим и преданным партии человеком, скромным и мечтательным, действительно верившим в победу всемирной революции под знаменем Ленина, боровшимся всегда за линию партии, за линию ЦК, против троцкистов и других оппозиционеров. Боролся за линию партии честно, жил честно, был честен во всех своих помыслах. Нет, тут какая-то ошибка, и скоро все выяснится. Какая будет радость, когда он вернется домой. И сын чуть ли не каждое утро, просыпаясь, говорил: «Мам, папа еще не пришел? Нет?! А мне снилось, что он пришел и принес черноморские камушки. Знаешь, такие разные, красивые...»

На следующий день я чуть свет побежала на Дмитровку в прокуратуру. Народу было много. Я записалась на прием к прокурору, фамилию его не помню. Он сухо меня выслушал и сказал: «Не беспокойте нас больше. Во всем соответствующие органы разберутся и вам сообщат. Следующий...»

Я вернулась домой – что делать дальше, как быть? На руках сын, у меня нет специальности. В доме совсем нет денег, на которые покупать передачи для мужа, продать тоже нечего, все старое, изношенное...

Решила прежде всего найти работу. Но куда ни приходила, мне отвечали, что работы нет (ведь я была женой «врага народа»). Я поняла, что единственный путь – создать нечто вроде прогулочной группы для детей. Брать утром на бульваре от родителей, целый день с ними возиться, играть, а вечером отдавать родителям. Набрала несколько детей. На заработанное мы жили.

Всю зиму 1936–1937 гг. я работала с детьми. Шел месяц за месяцем. Я была без работы и, чтобы как-то жить, продала все, что еще

можно было продать, но носила передачи в Бутырскую тюрьму. Регулярно носила передачи, пока он был в Бутырской тюрьме, но потом вдруг их перестали принимать.

Я решила пойти к М.Б. Митину – одному из руководителей Института философии, который, как я была убеждена, сможет чем-то помочь, посоветовать, как быть. Я вошла с надеждой в большую светлую комнату дирекции Института философии и обратилась к восседавшему там Митину. Узнав, что я жена репрессированного Вайнштейна, он с нескрываемо злым и холодным выражением лица сказал: «Без несомненной вины у нас никого не арестовывают. Я ничем не могу помочь». И, посмотрев на часы, встал, давая понять, что ему некогда. Я возразила, что он ведь много лет знает Вайнштейна, что тот всегда был марксистом-ленинцем. Резко оборвав меня, Митин буквально закричал, чтобы я немедленно, сию секунду, покинула его кабинет, иначе он вызовет милицию и меня уведут куда следует... Не имея сил сдерживать рыдания, я вышла.

Сын ходил в школу в четвертый класс. Зимой ночью в квартире был обыск. Ничего не нашли. Несколько раз проводивший обыск сотрудник бросал реплику: «Профессор, а так бедно и скудно жил...» Рано, еще в первых числах мая, я с сыном уехала на дачу в Томилино, сняла нам комнату и имела группу.

В конце апреля 1937 года я уговорила одного юриста, уплатив с большим трудом собранный гонорар, выяснить о судьбе мужа, передачи которому уже не принимали. До этого я все надеялась, что разберутся и выпустят, дело только во времени. Но теперь я стала опасаться, что с ним что-то случилось. Этот юрист вскоре выяснил, и когда я пришла к нему, еще раз сказал мне, что муж осужден Военной коллегией Верховного суда СССР на 8 лет. Он же сказал, что надо подать кассационное заявление на имя Председателя Верховного суда СССР Винокурова. Он написал заявление, и я начала добиваться приема у Председателя Суда. В мае же он меня принял. Я принесла на прием книги мужа. Он меня принял. Я плакала, говорила, что муж мой честен и ни в чем не виновен. Он начал меня успокаивать и сказал, чтобы я принесла и рукопись его последней работы. Что дело будет пересмотрено до 5 июня. Я принесла и передала рукопись тоже. С большой надеждой ждала ответа, была уверена, что на этот раз все будет хорошо. Когда я рассказывала о том, что меня принял сам Председатель Верховного суда, мне, кажется, никто не верил.

Вскоре я приехала в Москву, и управдом Здобнова пыталась заставить меня отдать ей квартиру, таскала меня в милицию...

В мае же пришло первое письмо от мужа. Письма не сохранились, но я помню их содержание. Первое письмо было из далекой сибирской тюрьмы в г. Мариинске. Муж мой писал: «Дорогая Фрида, наконец есть возможность написать тебе. Большое спасибо за передачи в Бутырской тюрьме. Пиши немедленно, как ты поживаешь, как сын, как

с квартирой, как мои рукописи. Мой адрес: Мариинск... Не знаю, за что я должен быть в разлуке с вами, ведь я никогда не был троцкистом, не был террористом, не был шпионом. Осудили меня как террориста и шпиона на восемь лет тюремного заключения. Ведь меня все знают, ты меня знаешь. Пусть Севонька знает, что его папа ни в чем не виноват, что всю жизнь он отдал науке, что всегда был честен и предан партии. Обнимаю, целую. Израиль. Пиши немедленно». Письмо было помечено концом апреля 1937 года.

Я ему тут же ответила: «Дорогой Израиль, я уверена – скоро ты будешь с нами. Квартира и рукопись в порядке. Севонька здоров. Меня принял Председатель Верховного суда СССР Винокуров и сказал, что дело твое будет скоро пересмотрено. Я уверена, что правда очень скоро выяснится и ты будешь с нами и станешь очень известным философом. Обнимаем и целуем тебя. Фрида, Сева».

5 июня я пришла за ответом в Верховный Суд. Из окошечка мне вернули книги и рукопись, а также официальный ответ, что дело оставлено без изменений. Здесь же я узнала от посетителей, что сам Винокуров сидит в тюрьме¹¹. Я чуть не упала в обморок. Голова у меня кружилась. Я чудом добралась до Клязьмы и там, на глазах сына упала в обморок, потеряла сознание. Он облил меня ведром воды...

Через несколько дней я получила еще одно письмо: «Дорогая Фрида! Я очень обрадовался твоим письмам. Я очень рад, что тебе удалось обратиться в Верховный суд и мое дело решено пересмотреть. Ты пишешь “терпи, терпи”. Жизнь меня уже в детстве научила терпеть, и я терплю. Но за что такое клеймо?! Я всю жизнь отдал благу народа, добровольно ушел на Гражданскую войну, все эти годы честно работал для народа и партии. Ради работы я отказывал себе в очень многом, ты знаешь. За что я теперь сижу в тюрьме?»

Дорогая Фрида, сюда разрешают посылать деньги – 50 руб. в месяц. Если я буду иметь деньги, то смогу купить продукты для питания. Пожалуйста, вышли, сколько сможешь. Я знаю, что это тебе трудно. Дорогая Фрида, у меня никого нет, кроме тебя, надеюсь, что ты выдержишь эти трудности. Пиши часто. Я думаю о вас день и ночь. Пусть Севонька напишет мне пару слов. Целую».

Я в тот же день послала 50 руб., хотя у нас было очень трудно с деньгами. Послала письмо. В нем написала о печальном ответе из Верховного суда. Сын тоже написал короткое письмо. Его содержание хорошо помню:

«Дорогой папочка, мы живем хорошо, о нас не беспокойся. Как тебя кормят, как у тебя с шумом в ушах? Пиши подробно все. Целую»

---

¹¹ А.Н. Винокуров не был арестован, но был отстранен от своей должности и отправлен заведовать санитарным просвещением.

тебя, папочка. Сева» (сыну уже было 11 лет). Сын, когда писал письмо, вспомнил, что отец жаловался перед отъездом в Крым на шум в ушах.

Управляющая домом Здобнова продолжала меня жестоко преследовать, таскала в милицию, угрожала отнять сына, требовала, чтобы я отдала ей квартиру. В одном из писем я написала об этом мужу в тюрьму, жаловалась ему на трудности, на Здобнову. В августе или сентябре, точно не помню, получила ответное письмо. Его содержание я хорошо запомнила: «Дорогая Фрида! Спасибо за письмо и за деньги, которые ты прислала. Спасибо за Севочкины строчки. Дорогой Севонька, я очень рад, что ты здоров. Ты спрашиваешь, как я живу и о шуме в ушах. Что шум в ушах по сравнению с тем, как я живу теперь! Береги свое здоровье и не очень увлекайся астрономией. Рад, что вы находитесь на даче. Жду ваших писем. Обнимаю и целую.

Дорогая Фрида! Получил еще одно твое письмо. Спасибо за слова надежды, за поддержку, за хлопоты, за деньги, которые и тебе так нужны. Ты пишешь, что очень страдаешь от Здобновой, что у тебя хотят отнять жилье. Но что я могу сделать? В моих силах только проклинать ее день и ночь и молить судьбу быть милостивой к тебе и Севоньке. Я живу надеждой на справедливость, на пересмотр моего дела. Сообщи, какое решение принято. Обнимаю и целую. И. Вайнштейн».

СУДЬБА МОЕГО ОТЦА (ОТРЫВОК)

С.И. Вайнштейн

Затем было еще несколько коротких писем. А в декабре 1937 г. в конверте с адресом, написанным незнакомой рукой, мы получили довольно подробное письмо отца. Он писал, что был арестован в конце августа 1936 г. Следователь сразу же начал всеми дозволенными и особенно недозволенными средствами принуждать его к признанию в том, чего никогда не было, – в троцкизме, терроризме, вредительстве и шпионаже. Отец писал, что семь месяцев – до самых последних сил своих – он отстаивал свою честь коммуниста, боролся за правду. Но нечеловеческие истязания, не прекращавшиеся ни днем, ни ночью, сломили его. Потом состоялся скорый и неправый суд Военной коллегии, на котором он заявил о своей невинности, но его даже не выслушали, осудили и отправили по этапу в Мариинск. Просил мать обратиться к Сталину о пересмотре его дела, особенно просил сохранить рукопись его последнего, неопубликованного труда.

Мать, слепо верившая «отцу народов», тут же решила послать письмо «лично Сталину». Она говорила тогда: «Сталин наверняка ничего не знает, что честных, преданных партии коммунистов пытаются и осуждают по ложным чудовищным обвинениям». Она написала письмо «дорогому, родному и любимому» Сталину с рассказами об отце, его трудном пути самоучки, революционера, об участии в Гражданской

войне, об его бескорыстной научной работе, о вере в победу коммунизма и очень просила о пересмотре его дела. Вложила труды отца, в том числе книгу «Гегель, Маркс и Ленин», в большой конверт, а самое главное и – как теперь очевидно – ужасное – его последнее письмо к нам тоже послала в том же конверте Сталину. Помню, как мы с мамой отнесли это письмо на Центральный почтамт и послали: «Москва, Кремль, лично товарищу Сталину». Было это в самом конце декабря 1937 г., в канун нового 1938 г. Маленький мальчик, я, конечно же, тоже безмерно верил Сталину, а потому каждое утро забирался на табуретку, чтобы заглянуть в почтовый ящик, где должен был быть ответ. Но его не было. Прошло около трех недель, и вдруг... среди ночи проснулся от крика матери. Вся в слезах, она подбежала ко мне со словами: «Твоего отца только что убили. Я почувствовала страшный удар. Пуля прошла здесь». И она свалилась в рыданиях. Я запомнил: это было в ночь с 18 на 19 января 1938 г.

Больше писем от отца не было. Мы пошли в приемную на Кузнецком, и там нам сказали, что он осужден уже на 10 лет без права переписки.

После XX съезда партии мы получили извещение о посмертной реабилитации отца. Но даты смерти в извещении не было, попытки выяснить ее – безрезультатны. В анкетах я все же эту дату указывал – дату той страшной ночи, писал – 18 января 1938 г. Лишь два года назад¹² на еще одну просьбу матери пришел ответ: отец умер 19 января 1938 г.

С тех давних пор мать постоянно мучили угрызения совести. Она часто повторяла: «Письмом к Сталину я убила твоего отца». Рукопись книги отца о закономерностях развития экономики социализма, которую он так просил сберечь, сохранить не удалось. Она бесследно пропала, когда у нас забрали квартиру и мать несколько лет была бездомной.

Список литературы

1. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 285.
2. Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 26. Л.88–110.
3. Архив РАН. Ф. 425. Оп. 1. Д. 5.
4. Архив РАН. Ф. 425. Оп. 1. Д. 8.
5. Вайнштейн С.И. Судьба моего отца // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 160–162.
6. Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия ЦИК СССР (1918 – 1936). Вып. II.
7. Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 1254152 (1936).
8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 2226.

---

¹² То есть в 1987 г.

9. Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-7591.

RECOLLECTIONS OF I. J. WEINSTEIN

S.N. Korsakov

Institute of Philosophy of PAS, Moscow

Israel Yakovlevich Weinstein – one of the participants of Deborin's philosophical schools of dialectical Marxism who worked at the Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences. Weinstein was a doctor of philosophy. In 1936, he was arrested and later executed (1938). This is the first publication F. I. Korobov-Litvin's, philosopher's widow, and his son's S. I. Weinstein memoirs.

Keywords: *I. Y. Weinstein, history of philosophy, Institute of philosophy, Stalinism.*

О публикаторе:

КОРСАКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, Москва. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Author information:

KORSAKOV Sergey Nikolaevich – Ph.D, Assoc. Prof., Leading research fellow, Institute of Philosophy of RAS, Moscow. E-mail: snkorsakov@yandex.ru